

ОБЪЕМ ПРАВОСПОСОБНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОТНОШЕНИЯХ ГРАЖДАНСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Фирсова Д. О., аспирант кафедры международного частного и европейского права БГУ

Обладея собственностью, заключая инвестиционные и иные договоры с национальными и иностранными юридическими лицами, получая займы и кредиты, выступая гарантом по ним, Республика Беларусь активно участвует как во внутригосударственных, так и в международных отношениях частного правового характера.

Согласно ч. 3 ст. 1 Гражданского кодекса (далее – ГК) Республика Беларусь является участником отношений, регулируемых гражданским законодательством, а значит и нормами о международном частном праве, содержащимися в Разделе VII ГК. Этот вывод также подтвержден в ст. 1114 ГК: «[К] гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом с участием государства правила настоящего раздела применяются на общих основаниях, если иное не предусмотрено законодательными актами Республики Беларусь».

Какова же правоспособность Республики Беларусь в отношениях такого характера? Правоспособность – это абстрактная способность (возможность) субъекта права иметь соответствующие права и обязанности, предусмотренные действующим правом [1, с. 516].

Анализ норм Главы 5 ГК позволяет прийти к следующим выводам о правоспособности Республики Беларусь в отношениях гражданского права: Республика Беларусь может быть субъектом гражданско-правовых отношений; Республика Беларусь имеет те же права и обязанности, что и другие субъекты гражданско-правовых отношений; к Республике Беларусь применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из законодательства или особенностей государства. Эти же правила определяют и правоспособность государства в отношениях международного частного права.

При решении вопроса о правоспособности государства в отношениях международного частного права становятся актуальны и проблемы гражданской правоспособности государства. В частности, сложным и активно дискутируемым в литературе гражданского права (в первую очередь, российской) является вопрос о характере гражданской правоспособности государства.

По этому поводу выделяются 4 основные точки зрения. Гражданская правоспособность государства характеризуется как универсальная (общая) (В. В. Залесский), специальная (М. И. Брагинский, В. Звеков), целевая (Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев), функциональная (В. Г. Голубцов).

Противники позиции универсальной правоспособности государства подчеркивают, что:

1) «непосредственное участие публично-правовых образований в гражданском обороте достаточно специфично, а также ограничено указанием в законе на возможные случаи такого участия» [2, с. 69];

2) «государство участвует в гражданском обороте не в своих частных интересах, а в целях наиболее эффективного отправления публичной власти. Эти цели предопределяют и сущность правоспособности государства. Она не может быть общей» [3, с. 220–221].

Однако взгляд на данную проблему с точки зрения позитивизма заставляет считать наиболее оправданной как раз точку зрения об универсальной правоспособности государства.

Во-первых, законодательство не содержит исчерпывающего перечня полномочий государства в области гражданских правоотношений, что свидетельствует о необоснованности первого приведенного выше аргумента против теории универсальной гражданской правоспособности Республики Беларусь.

Во-вторых, законодательство не включает прямого или косвенного указания на специальную гражданскую правоспособность государства, как это сделано, например, в отношении юридических лиц. Согласно ч. 2 ст. 124 ГК к государству «применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из законодательства *или особенностей данных субъектов*». Специальный характер гражданской правоспособности юридических лиц вытекает из ч. 1 ст. 45 ГК: «[Ю]ридическое лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, а также предмету деятельности, если он указан в учредительных документах, и нести связанные с этой деятельностью обязанности». С учетом особенностей государства, как и предписывает ч. 1 ст. 124 ГК, данная норма, применяемая к юридическим лицам, не может быть применена к государству, поскольку последнее не имеет учредительных документов, не может иметь предмет деятельности, и не имеет однозначно закреплённой в законодательстве цели деятельности.

Что касается теории целевой правоспособности государства, ее несостоятельность может быть доказана с учетом достижений международного частного права об иммунитете государства. Так, согласно Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г.

«При определении того, является ли контракт или сделка «коммерческой сделкой» [...] следует также учитывать их цель [...]» (ст. 2). Данное правило введено как способ принятия решения о том, может ли государство ссылаться на иммунитет от юрисдикции при разбирательстве дела, возникшего из этой сделки с иностранным физическим или юридическим лицом, если в силу применимых норм международного частного права, разногласия относительно этой сделки подлежат юрисдикции суда другого государства (ч. 1 ст. 10 Конвенции). Руководствуясь логикой сторонников целевой гражданской правоспособности государства в случае признания цели сделки коммерческой, можно было бы ставить вопрос не об отказе государству в иммунитетах в отношении таких сделок, а об отказе ему в самом праве выступать стороной таких сделок. Более того, необходимо отметить, что критерий цели сделки для ее отнесения к коммерческим в мире отошел на второй план по той причине, что в определенный момент обозначилась практическая непригодность данного критерия: в конечном счете, деятельность государства направлена на «государственные цели» [4, р. 209].

Теория функционального иммунитета государства препятствует принятию теории функциональной гражданской правоспособности государства. Последняя также представляется неубедительной на фоне теории функциональной правоспособности международных организаций в международном публичном праве. Если функциональная правоспособность международной организации производна от правоспособности государства [5, с. 362–363], если «[П]равоспособность международной организации заключать договоры регулируется правилами этой организации» [6, ст. 6], то есть, теми функциями, которые в этих правилах прописали государства-основатели международной организации, то в отношении государства как участника гражданских правоотношений аналогичные утверждения не являются верными.

Таким образом, правоспособность государства как в отношениях гражданского, так и в отношениях международного частного права следует считать универсальной (общей).

Литература

1. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсисянц. – Москва: Норма: Инфра – М, 2010. – 547 с.
2. Голубцов В.Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности / В.Г. Голубцов // Журнал российского права. – 2010. – № 10. – С. 61–76.
3. Гражданское право: в 3 т. / А.П. Сергеев [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – Т. 1 – Москва: ТК Велби, Проспект, 2001. – 773с.

4. Sucharitkul, S. Fourth report on jurisdictional immunities of States and their property, Doc. A/CN.4/357 / S.Sucharitkul // Yearbook of International Law Commission. – V. II (Part One). – 1982. – P. 199–230.

5. Международное публичное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Е. Г. Моисеев, В. В. Устинов (и др.) / Отв. ред. К. А. Бекашев. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2008. - 1008 с. – С. 362-363.

6. Венская конвенция Организации Объединенных Наций «О праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями» // Консультант Плюс: Беларусь. Технология ПРОФ 2012 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Шакель Н.В., кандидат юридических наук, помощник директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

В соответствии со ст. 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) использование другими лицами объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых их правообладателю принадлежит исключительное право, допускается только с согласия правообладателя. Возникает вопрос о том, каким образом может быть реализовано такое согласие, чем подтверждается его наличие?

Наиболее очевидным ответом на него является позиция о том, что необходимо заключение соответствующего договора. В юридической литературе отмечается, что «все лица, за исключением правообладателя, имеют право использовать объект авторского права только с согласия правообладателя [...]. Согласие правообладателя в соответствии с частью первой п. 1 ст. 984 ГК достигается путем заключения договора» [1]. То есть, «лица, которые не являются авторами объектов интеллектуальной собственности или иными правообладателями, в их отношении могут осуществлять действия, составляющие содержание понятия «использование», только с согласия автора или иного правообладателя. Подтверждением такого согласия является договор: авторский договор, если разрешение использовать предоставляется автором; лицензионный договор – если разрешение использовать предоставляется иным правообладателем» [2].

Такой договор по общему правилу заключается в письменной форме, за некоторыми исключениями. Например, согласно п. 7 ст. 44 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных